

Атлантический шок над Европой

Преувеличение обесценивает суть, говорили раньше, и это особенно верно для жёстких реалий международной политики. Однако в эпоху *демократии телевидения и социальных сетей* нужно учитывать, что намеренное преувеличение стало неотъемлемой частью их стиля коммуникации. Этому способствует техническая возможность интернета немедленно и повсеместно предоставить аудиторию любому провокационному спектаклю, который разыгрывается из нарциссического стремления выделиться.

Если «*средство – это сообщение*», как утверждал Маршалл Маклюэн применительно к телевидению, которое превратило коммуникацию в площадь «*глобальной деревни*», то стоит учитывать, как его дальнейшее слияние с *социальными сетями* превращает даже спонтанные или не до конца осмысленные заявления в глобальные политические события. Они транслируются в обход традиционных фильтров – без времени на осмысление, без посредничества дипломатии, партий, аналитических центров или даже серьёзных медиа, способных придать им концептуальную стройность, в экспрессивной манере психологии *массового индивидуализма*, доходящей до ребячества. Так, из серии импульсивных постов президента Дональда Трампа в X (бывшем Twitter) можно узнать о резкой смене союзов по Украине, жестоком шантаже её природными ресурсами и даже о возможном *новом Ялтинском разделе* между Вашингтоном и Москвой за спиной Европы. А из выступления вице-президента Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции *Wehrkunde*, насыщенного эффектными фразами для телевизионных нарезок, становится ясно: для новой власти в Вашингтоне Европа – большая угроза, чем Россия и Китай.

Ещё недавно Вэнс, *хулиган № 2*, говорил о своём будущем начальнике, *главном хулигане* Дональде Трампе, называя его «*американским Гитлером*», а его скандальные заявления – «*культурным героинем*». Вместо того чтобы заикливаться на его бахвальстве, в ЕС стоило бы задуматься над словами Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal*: европейцы «*теперь знают, что де Голль был прав*» – нельзя вечно рассчитывать на американские «*на американские незаполненные чеки*».

Главное – помнить, что на самом деле говорил де Голль в мае 1962 года, обосновывая создание французских сил ядерного сдерживания и напоминая о «*невероятных поворотах*», на которые способна история. Он настаивал: Европе нужно научиться рассчитывать на себя, потому что Америка может «*разорваться от терроризма или расизма*». А значит, Франция и Европа обречены вне зависимости от того, находятся ли Вашингтон и Москва в конфронтации или, напротив, достигли соглашения.

Трудность вернуть к реальному масштабу те преувеличения, которые порождает *демократия телевидения и социальных сетей*, является проблемой не только марксистской науки о политике. Эмили Хабер, два года назад занимавшая пост посла Германии в Вашингтоне, в интервью журналу DGAP (Немецкое общество внешней политики) утверждает, что стратегические интересы Германии должны быть переосмыслены как интересы Европы и независимо от того, кто является президентом в Вашингтоне. Однако это предположение основывается на том, что подход Трампа, рассматривающего всё как предмет торга, рационален, но «*зачастую это не так*». Тогда становится понятно, как много вопросов остаются открытыми.

Во-первых, насколько глубок *кризис атлантических отношений*? Это несомненно кризис и кризис серьёзный. *Financial Times* призывает избавиться от «*успокаивающих иллюзий*» о том, что «*Трамп не имеет в виду то, что говорит*»: «*Америка изменила своё мнение*»; отказ от союзников «*реален и будет продолжаться*». *The Economist* пишет о «*худшем кошмаре Европы*»: больше нельзя рассчитывать, что США придут на помощь «*в военное время*». Заключительное выступление Фридриха Мерца в предвыборной кампании перекликается с драматической редакционной статьёй *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) о «*расколе Запада*»: возможно, что Трамп «*не будет больше безоговорочно выполнять обязательства НАТО по взаимной обороне*»; нужно, по крайней мере, быть в состоянии «*оборонять европейский континент самостоятельно*»; необходимо также обсудить с Лондоном и Парижем «*совместное использование ядерного оружия*» или хотя бы распространение их ядерного зонтика на Германию.

Во-вторых, насколько окончательным и необратимым является *атлантический кризис*? Здесь нюансы и чувство меры в оценках важны как никогда, потому что преувеличение и драматизация – это оружие политической борьбы как в США, так и в Европе. США говорят о катастрофе НАТО, чтобы атаковать Трампа; в Европе это делают, чтобы обосновать необходимость стратегической автономии Старого континента. То же касается акцента на якобы фатальной слабости ЕС, который одновременно служит риторическим целям Трампа и стимулирует европейцев задуматься о восстановлении.

В газете *Le Point* Брюно Тертрэ из Фонда стратегических исследований (FRS) пишет, что провозглашение конца Альянса «*лишено видения в исторической перспективе*», поскольку США и ЕС всегда соперничали в экономической и торговой областях. Европейцы должны постепенно увеличить свой военный бюджет до 3 %; отдавать предпочтение европейским или неамериканским поставщикам вооружений; использовать свою экономическую мощь в качестве рычага влияния; и, совместно с Лондоном, создать основу для «*европейских сил сдерживания*».

В воскресном издании *FAZ, Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, Йохен Бухштайнер сомневается в реалистичности идеи европейского сдерживания. Поскольку у Европы не хватает сил для «*Sonderweg*», полностью автономного и особого пути, так как *совместное использование ядерного оружия* с Лондоном и Парижем не просматривается, а «*Alleingang*», самостоятельный курс Германии, невозможен, то наименее плохим вариантом остаётся «*реанимация*» НАТО. США будут настаивать на перераспределении обязанностей, чтобы сосредоточиться на решении проблем Индо-Тихоокеанского региона, причём НАТО в таком случае станет глобальным альянсом и трансформируется из «*сообщества ценностей*» в «*сообщество стратегических интересов*». А в качестве второго условия Вашингтон потребует либерализации европейского рынка для американских технологических компаний в сфере *социальных медиа* и *искусственного интеллекта* – именно в этом на самом деле состояла суть упрёка Вэнса на *Wehrkunde* по поводу «*свободы слова*» в Европе.

Акцент на концепции *Sonderweg*, заметим, заслуживает отдельного рассмотрения. *Германский вопрос* заключался в смертельной опасности того, что Германия могла свободно маневрировать в центре континента, поэтому её следовало либо разделить, либо прочно интегрировать в Европу и Атлантический альянс. Поэтому, как говорили, ссылаясь на первого генерального секретаря альянса лорда Исмея, функция НАТО заключалась в том, чтобы «*держат русских вовне, американцев внутри и немцев под контролем*». Сегодня *атлантический кризис* и *унилатерализм*, т.е. новый американский национализм, представляют собой своего рода *Sonderweg* Соединённых Штатов и формируют беспрецедентный *американский вопрос*. Конечно, существует вероятность того, что европейцы снова окажутся разделёнными, как это случилось в 2003 году с войной в Ираке, которая заморозила амбиции создания европейской обороны, возникшие после войн в Боснии и Косово. Но тезисы в пользу *европеизации НАТО*, что составляет реальный подтекст британской линии, отражённой в *Financial Times* и *The Economist*, делают ставку на Альянс с европейским центром тяжести, способный сгладить американские колебания. Насколько смелой окажется эта ставка, покажет время; безусловно, именно по этому узкому пути европейской трансформации вместе с британцами идут сторонники немецкого и польского *структурного атлантизма*, а также Джорджии Мелони с её двусмысленной евроатлантической позицией.

В-третьих, какую стратегическую перспективу открывает новая конфигурация отношений между Вашингтоном и Москвой? Высокопарная формула «*новой Ялты*» исторически непропорциональна. Ялтинские и Потсдамские соглашения после второй мировой войны закрепили раздел Европы, который проходил через самое сердце Германии – через Берлин; для нас они стали символом «*действительного раздела*», потому что США поддержали притязания слабого СССР, чтобы сдержать европейский империализм. После распада СССР, который по своим последствиям сопоставим с третьей мировой войной, произошёл «*новый раздел*», когда Восточная Европа была кооптирована в ЕС и частично во внутреннее ядро федерации евро. Оставались «*серые зоны*», прежде всего Украина, чей статус оставался неопределённым и сделал её объектом противоборствующих стратегий влияния и американских операций вмешательства. Если, предстоящее соглашение действительно закрепит раздел по текущей линии фронта, то это оставит Донбасс и Крым за Россией, а

Украина останется в роли пограничной зоны, вероятно, с нейтральным статусом и перспективой интеграции в ЕС. В отличие от Ялты, линия раздела будет проходить в русской, а не в немецкой зоне, по новороссийским землям, которые находились под суверенитетом царей со времён Екатерины II. По сути, речь идёт о жёстком переделе, в котором участвуют российский и европейский империализмы, а американский империализм, устами Трампа, теперь требует свою *«долю добычи»* – под видом концессий на разработку редкоземельных металлов.

Другой вопрос – удар, нанесённый кризисом по *энергетическому Рапалло*, системе, в рамках которой российский газ обменивался на немецкие и европейские инвестиции и промышленное оборудование. Но здесь поражение оказалось взаимным – как для Европы и Германии, так и для России. Показательно, что на повестке дня вновь стоит обсуждение возможного возобновления работы газопровода «Северный поток-2», который был взорван в результате *асимметричной войны* внутри самого Альянса, в ходе украинско-польско-американской акции.

В-четвёртых, каковы будут глобальные стратегические последствия? Оставим эти размышления для следующей страницы нашей газеты, посвященной международной политике и *«непреднамеренным последствиям»*, обсуждаемым в Азии и Европе. Поскольку *новый Ялтинский раздел* понимается в том числе как договор о разделе влияния с Китаем, добавим лишь тезисы, опубликованные в *Le Monde* французским иезуитом Бенуа Вермандером, директором академии Маттео Риччи при шанхайском Фуданьском университете, взявшим китаизированный псевдоним Вэй Мингдэ. Вермандер-Вэй утверждает, что прорисовываются две возможные коалиции: *«двойная»* между США и Россией и *«тройственный альянс»* между Вашингтоном, Москвой и Пекином. И в том, и другом случае жертвой будет Европа как *«больной человек планеты»*, а для Пекина реальной угрозой станет превращение *«тройки»* в *«двойку»* после заключения соглашения между США и Россией.

Внимание: по мнению еврокитайского иезуита, страны ЕС, связанные с Великобританией, *«должны изолировать тех, кто стоит у них на пути; они должны вооружиться экономически, в военном плане и психологически, чтобы обеспечить своё выживание [...]»; любое подыгрывание разногласиям, вносимым Москвой, а теперь и Вашингтоном, равносильно коллаборационизму; именно по модели военной экономики должны быть восстановлены основы, как производственные, так и стратегические».*

Китай регулярно пытается разделить европейский фронт, но воздерживается от заигрывания с крайне правыми, *«в отличие от российского и американского вмешательства».* Для ЕС Пекин показал себя *«более надёжным игроком»*; существует *«пространство для переговоров»* по общим интересам. Китайской стороне для этого желательно видеть ЕС в качестве одного единого собеседника, вместо того чтобы обращаться к отдельным странам: *«Необходимо научиться определять приоритет опасностей, и первая из них сейчас заключается в создании оси Вашингтон-Москва».* Необходима *«стратегия обхода»*, основанная на укреплении *«европейских стратегий в отношении Индии, Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии».* Что касается необходимости Европы держать удар, *«сталкиваясь с ускоряющимся тройным наступлением»*, ей необходимо перейти к *«новому видению»*, чтобы противостоять коалиции США-Россия-Китай, *«возможная консолидация которой угрожает нашим интересам, нашим ценностям и даже нашей политической структуре».*

Японская газета *Asahi Shimbun* назвала *«объединённым фронтом»* защиту многостороннего подхода – эта формула не останется незамеченной в Пекине. Здесь мы имеем *Объединённый фронт S.J.*, подсказанный иезуитами.

Наконец, в-пятых, помимо жарких дебатов, есть ли какие-то конкретные шаги на европейском направлении? На данный момент их три, а если учитывать победу Мерца на выборах – четыре. Первый заключается в том, что за три года войны на Украине военные расходы стран ЕС выросли с 214 до 326 миллиардов евро – на 52 %, или на 112 миллиардов, – и до 2 % ВВП Евросоюза. Увеличение до 3 %, как предполагает Тертрэ, а также министр обороны Германии Борис Писториус, приблизит ЕС к 500 миллиардам. Второй – возникновение сферы «5+1», – о которой в своё время теоретизировал аналитический центр DGAP, – состоящей из Франции, Германии, Польши, Италии и Испании с добавлением

Великобритании, в которой обсуждаются условия европейского перевооружения. Третий шаг состоит в подключении Лондона к этому процессу, и для *Times* именно Трамп, сторонник Брексита, *«сделал больше для сближения Британии и Европы, чем мог бы сделать Кир Стармер в одиночку»*.

Для тех, кто сомневается в политическом смысле нашего стратегического противостояния европейскому империализму, есть пища для размышлений.

Февраль 2025 г.